

УДК 81

**ЯЗЫКОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ
КУЛЬТУРНО – ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ
АНГЛОЯЗЫЧНОЕ ОФИЦИАЛЬНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ****THE LANGUAGE STEREOTYPES OF THE REPRESENTATIVES OF DIVERSE
CULTURAL AND LINGUISTIC COMMUNITIES DELIVERING AN OFFICIAL
PUBLIC SPEECH IN ENGLISH****Ю.А. Ермошин, Н.В. Алонцева
Y.A. Ermoshin, N.V. Alontseva***Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, 6**Peoples' Friendship University of Russia, 6, Mikluho-Maklay st., Moscow, 117198, Russia**E-mail: alontsevs@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется роль языковых стереотипов в формировании коммуникативных действий представителей различных культурно-лингвистических сообществ, осуществляющих англоязычное официальное публичное выступление.

Abstract. The article analyses the role of language stereotypes in the formation of the communicative activities of the representatives of diverse cultural and linguistic communities delivering an official public speech in English.

Ключевые слова: официальное публичное выступление, мотив, языковые стереотипы, номинация, референция, предикация, терминология.

Keywords: official public speech, motive, language stereotypes, nomination, reference, predication, terminology.

Профессиональные действия специалистов в области международных отношений по продуцированию письменных и устных текстов официальных публичных выступлений (далее – сокр. ОПВ) в целом универсальны по номенклатуре и алгоритму выполнения, так как отражают общие¹ закономерности психолингвистического процесса порождения и производства речи.

Действительно, внешний мотив (проблемный вопрос, вынесенный на обсуждение) и его внутреннее осознание порождают у всех участников международной конференции одинаковое намерение предложить способ решения проблемы и совершить для этого определенные действия. Затем последовательное осознание: социальных ситуационных и этических императивов как универсальных элементов культуры; личностных стратегий (ориентированных на культурные нормы поведения) и соответствующих способов их семантизации, приводит участников международной конференции к выбору определенных речеповеденческих стратегий и соответствующих способов их семантизации, вербализации и актуализации в речи средствами официального и рабочего языка конференции (в нашем случае – английского).

Однако если внешний мотив и его внутреннее осознание порождают у всех участников конференции одинаковое намерение совершить определенные действия и в этом смысле могут считаться явлениями наднациональными, предпочтительные способы реализации указанного намерения – национально-специфичны, поскольку:

– осознание универсальных требований, предъявляемых к общению в формате международных конференций (вежливость, официальность, определенная межличностная дистанция и т. д.) опосредовано «национальными» представлениями об указанных категориях и о той роли, которую они играют в достижении необходимого выступающему коммуникативного эффекта;

¹ По мнению известного российского психолингвиста профессора Беянина В.П., существующие психолингвистические модели производства речи: Леонтьева А. А., Выготского Л.С., Лурии А.Л., Осгута Ч., Миллера Дж., Хомского Н., Галантера Е. и др., «близки и в сущности больше дополняют и уточняют друг друга, чем противоречат друг другу» [2, 50].

– осознание универсальных личностных стратегий, ориентированных на культурные нормы поведения («для того, чтобы воздействие на партнеров было эффективным, необходимо стремиться заслужить их доверие, а не оставаться отстраненным») опосредуется существующими национально-культурными доминантами в отношении постановки акцента в официальной публичной речи на ее «публичности» или «официальности» и, соответственно, в отношении необходимого для достижения коммуникативного эффекта уровня межличностной дистанции;

– выбор определенных коммуникативных стратегий, а также способов их семантизации («для того, чтобы воздействие на партнеров было эффективным, необходимо: использовать более/менее пространственные формулы приветствия или прощания; логико-рациональные/ эмоциональные аргументы; выражать мысли прямо/косвенно и т. д.) стереотипно ориентирован на существующие в культурах партнеров понятийно-ценностные доминанты в отношении наиболее эффективных способов реализации универсальных коммуникативных действий контакт, убеждение и информирование и т. д.

В результате «национальные» стереотипы мышления отражаются в стереотипных способах вербализации смысла (языковых стереотипах) и актуализируются в речеповеденческих стереотипах.

Таким образом, объединяющие всех участников международных конференций факторы деятельности (общие условия деятельности, профессиональные знания и опыт; язык профессионального взаимодействия, призванные обеспечить им должное взаимное понимание) «сталкиваются» с несоответствием потребностей и интересов, а также ценностей и умозрительных моделей партнеров по конференционному взаимодействию, что приводит к разному восприятию и оценке участниками международных форумов одних и тех же событий.

Для оформления этого восприятия и оценки представители различных лингвокультурных сообществ располагают собственными возможностями соотнесения смысла с вербальными знаками. А поскольку эти возможности выступают в качестве знаковых предпочтений национальных языков и отражают не просто определенные реалии, а особенности их осмысления, освоения и представления в языке [5, 7], они продолжают стереотипно проявляться в англоязычных выступлениях представителей различных языковых коллективов, демонстрируя определенную «лакунарность» или «избыточность» при их сопоставлении [6, 80].

Это отчетливо прослеживается на уровне универсальных языковых явлений номинации (в специфике выбора сигнификатов для передачи идентичного смысла), референции (в специфических способах описания одного и того же объекта и выведения смысла), предикации и предложения (в предпочтении активной/пассивной форм залога; «глагольности»/ «номинативности», полносоставных/ эллиптированных конструкций и т. д.).

Следовательно, для эффективного англоязычного взаимодействия с представителями различных лингвокультурных сообществ специалисты в области конференционной дипломатии должны: знать стереотипные способы соотнесения смысла с вербальными знаками, предпочитаемые партнерами; уметь сознательно и корректно «переключаться» с собственных способов соотнесения смысла с вербальными знаками на способы, опознаваемые всеми партнерами.

Однако поскольку в актуальных условиях устного развертывания текста языковые стереотипы приобретают различные прагматические функции только под влиянием интенций и соответствующих коммуникативных действий [6, 213], наличие перечисленных выше знаний и умений само по себе еще не обеспечивает способностей данных специалистов осуществлять эффективное коммуникативное взаимодействие с представителями различных культур.

Поэтому в данной статье на первый план в исследовании стереотипов языкового уровня мы выводим не столько сам способ вербализации смысла (языковой стереотип), сколько участие этого способа в формировании коммуникативного действия. Остановимся на этом более подробно.

При выборе сигнификата для передачи идентичного смысла (на уровне номинации) партнеры обязаны учитывать специфику адресата и использовать сигнификат, пробуждающий в коллективном сознании всех участников конференции одинаковые или, по крайней мере, схожие ассоциации. Для этого специалисту в области конференционной дипломатии необходимо владеть спецификой ассоциаций, возникающих в сознании партнеров в связи с тем или иным понятием, и подбирать соответствующие этим ассоциациям формы вербализации.

Для примера возьмем часто используемое в процессе конференционного взаимодействия слово «конфликт».

Для того чтобы в процессе подготовки текста корректно оформить данное понятие, представителю русской культуры следует учитывать тот факт, что само понятие «конфликт» в русском языке обладает ярко выраженной негативной коннотацией. Отчасти это случилось потому, что заимствовав латинское «conflictus», мы сами ограничили свою возможность понимать весь диапазон смыслов этого слова, которое при переходе в русский язык как бы «утратило» часть своих значений, то есть сильно изменило свою денотацию [4,48]. Доказательством различий, существующих на сегодняшний день в смысловых значениях данного понятия в русском и английском языках, являются значения, которые дает англо-русский словарь В. Мюллера (2002): conflict 1. n 1) столк-

новение; 2) противоречие; 2.0 1) быть в конфликте; 2) противоречить. Других значений данный словарь не предлагает.

В то же время обращение к Cambridge International Dictionary of English (2001); Oxford Learner's Thesaurus A Dictionary of Synonyms (2008); Longman Business English Dictionary (2007) позволяет выяснить, что слово *conflict* – более многозначно. Причем, в своем первом значении – это всего лишь состояние несогласия; во втором – это ситуация, в которой приходится выбирать между двумя (или более) надобностями. И только третье значение этого слова («открытое столкновение») является для нас наиболее «понятным», так как пробуждает привычные ассоциации («столкновение», «сражение», «борьба», «война»), стереотипно возникающие в сознании представителя нашей культуры (во всяком случае, последние восемьдесят с лишним лет). Возможно, инстинктивный страх перед неизвестностью будущего, а также весь огорчительный и удручающий опыт прошлого обуславливают то, что в целом уже на подсознательном уровне слово «конфликт» воспринимается нами как нечто безусловно «нехорошее» [4,48].

Таким образом, «конфликт» в западных культурах, прежде всего, понимается как «несоответствие интересов», в отличие от нашего представления о конфликте как о прямом «столкновении».

В ситуации обсуждения военных проблем или борьбы с терроризмом употребление выступающим глагола *to fight (with/against)* – *бороться, сражаться (с/против)* вполне оправдано, так как воспринимается естественно и отвечает ожиданиям всех партнеров: «война» или «терроризм» у всех участников пробуждают схожие стереотипные ассоциации (борьба, сражение, противостояние и т. д.). Однако если представитель России будет призывать бороться: за повышение урожайности сельскохозяйственных культур; справедливое распределение продуктов; против засухи; курения; с изменением климата (часто обсуждаемые проблемы конференций профильных международных организаций) и во всех перечисленных ситуациях стереотипно оформлять данный призыв все тем же «привычным» *fight* (вместо, допустим, глагола *campaign/проводить кампанию*), его призыв может быть не воспринят (или не до конца понят) и, соответственно, не «принят». Во всяком случае, представителями США и Западной Европы, в коммуникативной практике которых подобные оформления указанных понятийных метафор часто просто немислимы (т.к. там никогда не «боролись», к примеру, за урожай – там его просто выращивали) и, соответственно, не имеют дословных эквивалентов (во всяком случае, в виде аналогий с войной), а использование семантически близких клише в тексте воспринимается указанными партнерами как «леность мысли и дурной тон» [9, 8].

Следовательно, при обучении студентов продуцированию текстов ОПВ следует особое внимание уделять существующим в культурах участников международных конференций способам оформления понятийных метафор и развивать умения выбора корректной формы для оформления понятия с учетом культурного своеобразия адресата речи.

На уровне референции культурное своеобразие участников международных конференций отчетливо проявляется в стереотипных способах описания одного и того же объекта и выведения смысла.

Все выступающие определяют для аудитории объект, который они имеют в виду, руководствуясь универсальным правилом референции – критерием достаточности (объект должен описываться в объеме, достаточном для выведения смысла об объекте). Однако это универсальное правило опосредуется специфическим представлением партнеров о границах, в которых может выражаться денотативное значение языковой единицы. Следствием указанной специфики является то, что при продуцировании англоязычных текстов ОПВ участники международных конференций для описания одного и того же объекта и выведения смысла стереотипно используют специфические имена или способы описания. К примеру, «для американцев единицы, аналогичные представлению о Соединенных Штатах, – это Европа и Южная Америка, а не Франция или Перу» [8, 104], а для представителей русской культуры (перефразируя указанного исследователя) – именно Франция или Перу, а не Европа и Южная Америка. Поэтому при указании места назначения американские делегаты стереотипно отдают предпочтение указанию континента или региона даже в речи, рассчитанной на поликультурную аудиторию (*He's gone to Europe; our withdrawal from the Gulf; he's been appointed to the Balkans*), в то время как российские представители в тех же условиях – указанию конкретной страны (*He's gone to Germany/Он уехал в Германию*); свое существование или передвижение в пространстве американцы предпочитают ориентировать по частям света и продолжают это делать в условиях конференции (*West: West countries; south – west policy*), в то время как представители русской культуры – по названию региона, города, местности и т. д. (*политика на Кавказе; положение на Балканах; позиция Кремля*); референцию к времени суток американцы выражают через отношение к полудню и в рамках 12 часового формата (*2 a.m./p.m.*), в то время как другие представители – в рамках 24 часового формата и через отношение к общему количеству часов, прошедших в текущих сутках с момента их начала (*22 часа; 7 часов* и т. д.).

Таким образом, специалист в области международных отношений должен уметь описывать объект в объеме, достаточном для выведения смысла об объекте, учитывая при этом суще-

ствующие в культурах партнеров специфические представления о границах денотата и соответствующие предпочтения партнеров в способах описания объекта и выведения смысла.

Показательным индикатором культурного своеобразия участников международных конференций на уровне предикации является категория залога. Точнее, стереотипные способы передачи смысла при помощи данной категории, проявляющиеся в предпочтении пассивной или активной формы залога.

Активная и пассивная формы залога универсальны с точки зрения существующих способов их семантической интерпретации, однако специфичны с точки зрения выбора среди этих способов предпочтительных [6, 90].

Общее впечатление о широком употреблении участниками международных конференций пассивных конструкций поддерживается предоставляемыми английским языком «большими структурными возможностями использования и соответствующей количественной вариативностью пассива» [6, 91].

Однако в актуальных условиях продуцирования текста предпочтение той или иной формы залога определяется не столько возможностями, предоставляемыми английским языком, сколько прагматикой выступления и культурно-коммуникативным своеобразием субъекта его реализации.

Так, у представителей культур с протестантской религиозной традицией (постулирующей способность самого человека изменять окружающие его обстоятельства) акцент в речи ставится на деятельный момент, а в центр изложения всегда определяется субъект, активно влияющий на обстоятельства (сами обстоятельства при этом выносятся на периферию изложения). Поэтому, наряду с пассивной формой, указанные представители широко используют активную форму залога.

В то же время представителям культур с религиозно-философскими традициями «предопределенности бытия» (например: православной, мусульманской и т. д.) свойственно стереотипное стремление определять в центр изложения внешние причины и сопутствующие деятельности обстоятельства, а сам субъект деятельности выносить на периферию изложения. Эффективным средством реализации указанного стремления является как раз пассивная форма залога.

Говоря о языковых стереотипах участников международных конференций, нельзя не остановиться на специфике их «национальных» предпочтений в использовании терминологической лексики и фразеологии.

Терминологическая лексика и фразеология языка дипломатии (сформированная на базе латинского языка) в значительной степени закрепились в английском языке (в частности, многие латинские заимствования, являющиеся терминологическим ресурсом языка дипломатии [1, 53], ассимилировались и присутствуют в английской разговорной речи). Исходя из данного факта, логично было бы предполагать следующее: представители США, Великобритании (другие англоязычные участники международных конференций) употребляют терминологические языковые средства в большем объеме, нежели представители других языковых коллективов, реализующие англоязычные выступления (в данном случае имеются в виду представители, «национальные» языки которых не имеют «латинского корня», а культуры развивались не по «западной цивилизационной модели»).

Однако анализ текстов ОПВ показал, что данная логика не находит своего подтверждения: тексты представителей США и Великобритании не только не выделяются насыщенностью профессиональной терминологией, но зачастую характеризуются меньшим терминологическим наполнением в сравнении с англоязычными текстами представителей других языковых коллективов [3, 51].

Данную особенность можно было бы объяснить влиянием на язык специальности (English for Specific Purposes) общих процессов, происходящих в современном английском языке (в частности, наблюдаемой в нем в последнее время тенденцией к «делатинизации» [6, 87]). Однако язык специальности чрезвычайно консервативен, и его практически не затрагивают тенденции к симплификации, наблюдаемые в английском языке для общих целей (English for General Purposes).

Нам представляется, что причину «нежелания» американских или британских представителей насыщать свои выступления большим количеством терминологической лексики следует искать в прагматике выступления и культурном своеобразии указанных представителей.

Действительно, нацеленность представителей США и Великобритании на «публичность» (а не «формальность») в общении и неприятие абстрактного теоретизирования («абстрактное теоретизирование «отталкивает» аудиторию, поэтому не является убедительным способом доказательства» [7, 31]) обуславливают стереотипное стремление данных представителей к уменьшению межличностной дистанции с партнерами (которые воспринимаются как личности, с которыми необходимо взаимодействовать). Указанное стремление, в свою очередь, определяет их подход к точности изложения и объективности информации («объект речи всегда должен быть в центре изложения: адресант должен постоянно возвращаться к объекту и эксплицировать его» [7, 30]). В результате стремление к максимальной точности и объективности обеспечивается преимущественно языковыми средствами и приемами, ориентированными на уменьшение межличностной дистанции (разговорной лексикой и фразеологией; использованием: разнообразных средств адресации, прямой речи при цитировании, рекурсивных повторов, оппозиций и т. д.).

В то же время представители России, Японии, Китая, арабских государств (в культурах которых в официальной публичной речи акцентируется именно ее «официальность», а аудитория воспринимается «абстрактно») стереотипно нацелены на сохранение межличностной дистанции и строго формальных отношений с адресатом речи. В результате то же стремление к точности изложения и объективности информации обеспечивается в текстах названных представителей преимущественно языковыми средствами и приемами, ориентированными на сохранение межличностной дистанции и строго формальных отношений с аудиторией (использованием в тексте большого количества терминологической лексики и фразеологии, усложненных синтаксических конструкций; обобщений и т. д.) [3, 52].

Проведенный анализ языковых стереотипов участников международных конференций позволяет констатировать следующее: языковые стереотипы приобретают различные прагматические функции только под влиянием намерений и соответствующих коммуникативных действий; в актуальных условиях продуцирования текста ОПВ предпочтение той или иной языковой категории объясняется не столько возможностями, предоставляемыми английским языком, сколько прагматикой выступления и культурно-коммуникативным своеобразием субъекта его реализации; языковые стереотипы (несмотря на отсутствие у них поведенческого аспекта) частично отражают коммуникативные стереотипы и отвечают за их поддержание (эффективность выполнения коммуникативных действий напрямую зависит от соответствия их языкового оформления ожиданиям поликультурного адресата речи). Поэтому при обучении студентов профессиональному коммуникативному взаимодействию с представителями различных культур следует сознательно ориентировать обучаемых на существующие в других культурах стереотипы языкового уровня, а главное, на их роль в формировании коммуникативного действия.

Знание и умение учитывать языковые стереотипы партнеров позволит специалисту в области международных отношений подготовить англоязычное выступление, содержательно-композиционная и языковая структура которого максимально соответствует культурному своеобразие адресата, что обеспечит значительное увеличение воздействующей силы речи.

Список литературы

1. Алонцева Н.В. Обучение юристов-международников продуцированию профессионально ориентированных аутентичных текстов: дис. ... канд. пед. наук:13.00.02 / Н.В. Алонцева – М., 2007. –С.205.
2. Белянин В.П. Введение в психолингвистику. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2001. – С. 127.
3. Ермошин Ю.А. Обучение специалистов в области международных отношений профессиональному дискурсу (жанр официальных публичных выступлений): дис. ... канд. пед. наук:13.00.02 /Ю.А. Ермошин.– М., 2010. –С. 181.
4. Кацы Д.В. Переговоры и посредничество: инструменты повседневной практики международного – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – С. 184.
5. Плотников Б.А. Основы семасиологии. – Минск: Вышэйшая школа, 1984. – С. 223.
6. Токарева И.И. Этнолингвистика и этнография общения: Монография/ И.И. Токарева/ Под ред. Ф.А. Литвинова. Издание 2-е. – Мн.: МГЛУ, 2001. – С. 244.
7. Althen G. American Ways. –Yarmouth, Intercultural Press Inc., 1988. – S. 178.
8. Schegloff E.A. Notes on a Conversational Practice; Formulating Place // Language and Social Context. / P.P. Giglioli (ed). – New York, Penguin Books, 1980. – S. 95–135.
9. Partridge E.A. Dictionary of Cliches. Introductory Essay. – London, Routledge, 1981. – S. 1–9.